

УДК 930.85

ТЕКСТИЛЬНОЕ КОНСКОЕ УБРАНСТВО В СИСТЕМЕ АТРИБУТОВ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Бэлла Л. Шапиро^{1, @}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, г. Москва, Миусская площадь, 6
@ b.shapiro@mail.ru

Поступила в редакцию 21.10.2016.

Принята к печати 28.11.2016.

Ключевые слова: русская культура, ритуал, церемониал, конское убранство, текстиль.

Аннотация: В статье рассматривается значимость текстильного убранства как одного из компонентов в системе выстраивания власти в России. Для изучения выбраны вещи, связанные с участием лошади – одного из наиболее мифологизированных животных в русской культуре, активно формирующих сакральное пространство. В этом контексте рассматривается текстильное конское убранство в целом, с акцентированием на наиболее ритуально значимых вещах царского круга, наполненных аллегорической символикой. Это подлинные памятники прикладного искусства из собраний отечественных музеев, которые интерпретируются посредством описей имущества и исторического нарратива. Отдельное внимание уделяется убранству, принадлежащему личным лошадям русских правителей от Ивана Грозного до Павла I. Подробно исследуются все текстильные составляющие парадного убранства царской лошади, затрагиваются гербовое и печальное убранство. Подводятся итоги работы, согласно которым текстильное конское убранство, при всем его разнообразии в разные исторические периоды прежде всего служило формированию образа могущественного властителя.

Для цитирования: Шапиро Б. Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 74 – 79. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-74-79.

Текстильное конское убранство – одна из самых ярких составляющих в системе внешних атрибутов царской власти в той системе сакрального и ритуального, которая складывалась в русской культуре вокруг царской власти. Как предмет исследования история внешних атрибутов царской власти находится на пересечении истории России, истории ее материальной и художественной культуры и потестарной имагологии – относительно нового направления, которое занимается историей формирования образов власти [1, с. 7].

Теоретическое осмысление вопроса имеет давнюю традицию. В разное время исследованиями этого специфического вида текстиля с большей или меньшей полнотой занимались А. В. Висковатов (с 1841), П. И. Саввантов (с 1865), В. А. Прохоров (с 1870-х), М. М. Денисова (с 1925), Л. В. Писарская (1975), В. Ю. Матвеев (1984), Л. П. Кириллова (с 1985), И. И. Вишневская (с 1987), И. С. Ненарокова (1987), Е. В. Тихомирова и Т. В. Мартынова (1993), Л. И. Шатилова (2007), В. А. Чернышев (2007), И. И. Бредихина (2008). В их работах текстильное конское убранство проанализировано во многих аспектах: выделены и идентифицированы самые ранние предметы отечественного производства, определены источники поступления вещей в государственную казну, принципы художественного оформления; уточнена терминология вопроса.

Цель и задачи исследования были определены состоянием разработанности темы, в которой были выявлены некоторые лакуны.

Основой настоящего анализа выступили несколько видов источников. Прежде всего – это подлинные предметы XVI – XIX вв. из собраний отечественных музеев (Эрмитажа, Московского Кремля, музея «Петергоф», Истори-

ческого музея и музея Востока), которые интерпретируются посредством нарратива и описей имущества.

В указанный период к убранству царской лошади относилась довольно значительная группа предметов, выполненных из металла, кожи и текстиля.

В полный парадный убор, сложившийся к XVII столетию, входили:

- кожаная или текстильная оголовь и ее украшения – металлические наборы, наузольники, султаны из перьев, металлические и текстильные очельные плащи и к ним очельные сетки из золото-серебряного кружева, такие же «гривы», металлические и текстильные решмы и лысинки, а также подшейные кисти – наузы и кутасы из шелка и конского волоса;

- «снасти» из кожаных ремней или из тесьмы – узды, поводья, ошейки, шлеи, паперсти, пахви, путлища, приструги и подпруги;

- текстильные покровы различного характера (попоны, чалдары и другие, подробно рассмотренные ниже);

- детали практического и/или декоративного назначения, выполненные только из металла: удила различных типов, стремяна, наколенники, «поводные» и «тремьячие» цепи;

- арчаки, седла (для верховых и выводных лошадей) и седелки (для упряжных лошадей), которые представляли собой произведения шорного, ювелирного и текстильного искусства.

Текстильное конское убранство в очерченный период имеет различный характер: нами исследуются как светские вещи, так и те, что были предназначены для действенного культово-ритуального характера.

Ритуальные вещи наиболее полно представлены в комплексе парадного убора царской лошади. Уподобление царя богу и признание божественной природы цар-

ской власти было традиционным для русской культуры. «Все... официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он – ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли», – замечает А. Гваньини [2, с. 93]. Столь же однозначно в русском сознании с личностью царя связывался его конь как символ единой державной власти [3, с. 134], воинской доблести и связи с божественными силами, поскольку только в лице властителя эти ипостаси соединялись.

Ритуалы с царским участием оформлялись весьма красочно. Особым случаем был обряд «шествования на ослати», символизировавший вход Господень в Иерусалим. Центром внимания здесь была лошадь, изображающая осла. Ее убранство состояло из каптура [4, с. 51] – длинной, до копыт, холщовой, реже шелковой [5, с. 40] простой попоны с капором-наголовником, мягкого поперечного седла [6, с. 294] и длинных поводьев. Царь же выступал в самом торжественном убранстве, – сообщает М. Груневег, которому удалось приблизиться к государю почти вплотную [7, с. 228].

Каптуры другого назначения были более декоративны, но их художественное решение также имело определенный символический смысл. Такими были «12 каптуров суконных красных и каптур суконный желтый. На нем нашиваны орлы и травы суконные красные» [8, с. 499], хранящиеся в Конюшенной казне и предназначенные, очевидно, для церемониала государственного значения.

Большинство предметов такого рода выполнялось золотом на красном поле, как «попона с каптуром, шита золотом и серебром волоченым и пряденым сканым по червчатому бархату», упомянутая в так называемой Описи Бутурлина (Описи Конюшенной казны, составленной в 1706 – 1707 гг. стольником Ф. Бутурлиным [8, с. 499]).

Максимально эффектным конский убор был в позднем русском средневековье и в раннее Новое время. Его основой были текстильные покровы, которые, различаясь в деталях, представляли собой комплекс, выдержанный в едином художественном стиле.

При дворе Алексея Михайловича текстильный парадный убор включал в себя более десятка наименований. Нижними покровами были войлоки. Для царской лошади войлоки изготавливались из бархата или другой ценной ткани – обьяри, алтабаса, тафты [9, с. 135 – 136].

Круп, бока и грудь лошади покрывал чалдар – попона с нашитыми металлическими бляхами. Военное происхождение чалдара выдают металлические бляхи или пластинки, нашитые по его полю; со временем пластинки заменяются на касты с драгоценными камнями или полностью исчезают (но остается сложная разъемная конструкция панцирного покрова).

Поверх чалдара укладывали попоны или чепрак – подседельные покровы, закрывающие спину, бока, бедра и иногда голени лошади [4, с. 164 – 165].

Поверх чепрака размещалось седло, в отделке которого также использовались драгоценные ткани. Самое раннее царское седло из известных относится к годам правления Ивана Грозного [10, с. 71]. Седло покрыто вишневым бархатом с вышитыми серебром двуглавыми орлами, травами и «инорогами» (единорогами). Текстилем покрывались не только подушки, но и декоративные крыльца седел. Так, седло Бориса Годунова имело черв-

чатые бархатные крыльца, расшитые золотом и серебром [11, с. 127].

В ожидании всадника седло покрывалось роскошным, пышно декорированным наметом [12, с. 283]. У заводных лошадей, которые предвещали появление царя или царской кареты, поверх седла накидывался покроец [12, с. 267] или намет [13, с. 311]. Покровцы лошадей, находившихся под царственными всадниками, несли перед ними или за ними [12, с. 269].

Одним из самых ценных покровцов, если не самым ценным, из всех имеющихся в Конюшенной казне, считался «покроец с царствы», вышитый по лазоревому атласу «пряденым золотом, серебром и разноцветными шелками; в середине на красном фоне вышит герб Московского государства – двуглавый орел с Георгием Победоносцем на коне... В кайме покроеца – десять кругов... с вышитыми... гербами областей Московского государства» [12, с. 268]. Вероятно, именно его несли за лошадью Алексея Михайловича, возвращавшегося в Москву 1655 г. после польского похода [12, с. 269].

Именно покроецы чаще прочих деталей парадного конского убранства изготавливались из дорогих привозных тканей, например, из изорбафа – золотного персидского шелка, схожего с обьярью. Самые ранние вещи из изорбафа относятся к XVII в. [14, с. 44], как «покроец изорбатной золотой, по нем травы разных шелков. В середине четыре грифа, кругом бахромы золотная» [8, с. 499].

Как покроец был декоративным дополнением седла, так и расшитый узорами конский плат был частью убранства русского арчака [12, с. 266]. При седловке седла и платы подбирались по принципу внешнего сходства, в том числе сходства орнаментации.

Платы расшивались по бархату, по сукну, атласу [15, с. 23; 9, с. 144] и по алтабасу: «плат алтабас серебрян; по нем травы шиты золотом волоченым, в травках вшит бархат червчат, да зелен; круживо плетеное с городами, золото с серебром» [8, с. 499]. Фиксировался плат пристругами, пропущенными в прорези [13, с. 314] или тесьмянным троком [15, с. 23].

Эти покровы иногда заменялись тигровыми и леопардовыми кожами на красном бархате – наметными барсами [4, с. 9]. В описях царской казны от 1640 г. они упоминаются как «барсы, бабры и ирбасы» [16, с. 102]. В «Расходных книгах товарам и вещам для царского обихода» также фигурирует «покроец попугайной желт» [17, с. 106], небольшой коврик, сшитый из шкурок полутысячи попугаев [18, с. 212], переданный в Конюшенный приказ.

Деталими парадного убранства царской лошади допетровского времени, которые, как «барсы и бабры», не относят к текстильному, но которые имеют к нему отношение, были лысина, начелки, грива и тесьмаяная сбруя.

Лысиной, лыской [13, с. 309] называлось украшение налобника оголовья [15, с. 23], аналогичное более распространенной (и изученной) решме переносного ремня. Чаще всего оно выполнялось в виде металлической бляхи, но встречались и текстильные лыски: «лысина шита по бархату золотом и серебром и низано жемчугом» из описи Бутурлина [8, с. 500]; «лысины 4 парчовые, обшитые шелковой малиновой бахромой, подложены красным сафьяном» из описи 1884 г. [9, с. 138].

Украшениями оголовья были начелки (очелки) «бархатные червчатые, травы золоченые, обложены кружевом

золото с серебром» [8, с. 502] и морхи в виде шелковой или золото-серебряной бахромы [15, с. 23].

Гривой, или огривком, назывались сетки из золотных нитей, часто с включением жемчуга; они предназначались для украшения головы и гривы лошади [4, с. 88]. Так же выполнялись и оплеты декоративных подшейных кистей – наузов из конского волоса и кутасов из разноцветного «шелка шамаханского» [8, с. 503]. Первоначально они исполняли роль оберега для лошади и ее царственного всадника [12, с. 270].

Встречались в парадном убранстве и тканые тесьмы: широкие троки для закрепления покровов и седла, декоративные ухваты (охваты), покрывавшие простую узду [4, с. 150, 153, 156], «снасти» – узды, поводья, паперсти и пахви «тканые с шелки розными... червчат, лазорев, зелен, бел; а другая тесьма шелки: червчат, рудожелт, лазорев, бел, зелен» [17, с. 268], где текстиль украшался оковами из драгоценного металла и самоцветами. Все части седельно-сбруйного комплекта выполнялись в едином стиле, а отделка текстильной сбруи соответствовала отделке металлической оправы седельной луки [12, с. 267].

В церемониях с участием царских лошадей вещи из вышеприведенного списка были представлены с большей или меньшей полнотой, разной для верховой и упряжной лошади. Особой роскошью отличалось убранство «выводных» лошадей, сотенные ряды которых вели слуги, предвзявая появление царской кареты.

В начале XVIII в. драгоценные ткани с высоким содержанием золота и серебра, прежде всего алтабас и аксамит, выходят из обихода. Долше прочих бытовала обьярь, которая в допетровское время была одной из самых популярных тканей [14, с. 38]. Так, обьяринным был чалдар лошади царевича Алексея Петровича «с золотыми и серебряными травами по малиновой земле, обшит кружевом и бахромой из золота и серебра, бахрома подпущена малиновым атласом» [9, с. 166].

Заменой старинным тканям стали парча и глазеты, которые, менее ценные сами по себе, для блеска покрывались расшивкой из металлических бляшек и драгоценных камней. В XVIII в. на первое место среди материалов для украшения текстильного убранства царской лошади постепенно выступают алмазы.

Два «алмазных» чалдара принадлежали Екатерине II. Первый – из серебряной парчи «убранный местами серебряными бусами, большими и мелкими, Lapis lazurica, красными половинчатыми корольками и тремя яшмовыми накладками, из которых две прорезные звёздами, а средняя зеленая глухая; во всех трех накладках... алмазов – 12; изумрудов – 32; яхонтов красных – 31, да сверх того в трех закрепках, круглых корольковых, по алмазу. Чалдар обшит кругом золотой с шелком тесьмой, к которой пришиты кисточки розового шелка с серебром, вделанные в серебряные грушки, сверху коих через один по корольку и Lapis lazurica, кистей 380» [9, с. 21 – 23].

Второй чалдар «шитый золотом по серебряному глазу, с серебряными бляхами, украшенными алмазами и яхонтами (*рубинами* – Б. Ш.). На нем 169 блях или репьев, в каждом репье по 4 алмаза и по 3 яхонта» [9, с. 23 – 25].

В XVIII столетии парадные покровы уменьшаются в размерах и в объемах; в обиход входит получепрак, закрывающий только круп лошади. Такую форму, например, имеет бархатный покров лошади Петра I [19, с. 151]. К концу века утверждается новая терминология:

отныне чепрак – это попона под седло немецкого типа; покрывало на венгерское седло получило название вальтрапа [13, с. 188 – 189, 294].

Стилистическое исполнение декора покровов выдерживается в духе времени [13, с. 189]. Так, полностью соответствует консерватизму Павла I художественное решение чепрака его лошади – стилизованные рокайльные растительные узоры, выполненные по строгому синему фону [13, с. 194].

Получает дальнейшее развитие гербовое убранство. Теперь оно находится среди особого комплекса для обслуживания придворных «торжеств», к которым, согласно церемониалу, причислялись не только коронации и венчания, но и погребения [20, с. 250].

Основы печального церемониала разрабатывались еще Петром I по западноевропейскому образцу. Череда похорон по новому типу началась в 1699 г. погребением сподвижника Петра Великого Ф. Лефорта, где впервые участвовали «радостные» и «печальные» рыцари [21, с. 136 – 137]. В конце этого года прошли похороны П. Гордона по ритуалу, близкому к погребению Лефорта [3, с. 137].

Оформляются новые убранства – «радостная» красно-золотая попона [13, с. 280 – 281; 19, с. 155] и черная «печальная». Из панихидных покровов исключаются вещи прежде традиционных «смирных» (траурных) цветов – вишневые и фиолетовые.

Наиболее полным выражением нового ритуала стали похороны самого Петра Великого в 1725 г. В церемонии участвовали личная лошадь Петра, которая чаще прочих сопровождала его в походах – лейб-ферд – в богатом убранстве, с вышитым седлом и красно-белым плюмажем на голове и на крестце. Здесь же выступали лошади в пополах с гербами российских провинций. Лошади были без седоков, что символизировало отсутствие владетеля [22, с. 173].

Затем выступала вторая личная лошадь, фрейден-ферд. Убранство ее было столь же богатым, как и у первой: попона из зеленого бархата, обложенного золотным галуном; по сторонам в картушах девизы и личная эмблема Петра в виде аллегорического сюжета [23, с. 217 – 218]. За ней следовали два латника: верховой в позолоченных латах и пеший в черных, лошадь которого, также в черном уборе, вели позади. Затем следовал гроб государя на «выносных» санях, которые везла восьмерка лошадей в черных гербовых пополах [3, с. 138].

Процесс оформления комплекса гербового конского убранства был в целом завершен к началу XIX в. Его детали регламентировались прежде всего сакральной семантикой церемониала прошлых лет, затем текущей модой, имевшей меньшее влияние, и практическими соображениями. Широкое применение покровов в парадном церемониальном убранстве как верховой, так и упряжной лошади, имело и вполне утилитарное объяснение.

Требования, предъявляемые к царским лошадям, были довольно высокими. В тяжелые парадные кареты запрягались большие ростом (К. Врангель указывает минимально допустимый рост в 4 вершка, что равно 160 см) тяжелые лошади с ровным и высоким «каретным» ходом, благородными формами, красиво поставленными густыми неподрезанными хвостами [24, с. 495 – 496]. К тому же каретная лошадь должна была уметь «красиво нести голову» [25, с. 266] – иметь правильный постав головы и шеи.

Кроме того, она «должна быть хорошо сложена и высока в переду, имея при этом чуть провислую спину (что было бы недостатком для верховой лошади), создающую в экипаже впечатление большей приподнятости переда... Каретная лошадь не должна быть ни слишком длинна ни слишком коротка» [25, с. 266 – 267].

Для торжественных процессий с царским участием требовалось более чем значительное количество лошадей. Так, перед коронацией Александра II для запряжки в коронационные кареты было закуплено 160 лошадей [26, с. 198]; на 1901 г. в конюшнях Его Императорского Величества стояло 2000 лошадей [27, с. 134]. Из всей этой массы для участия в придворных процессиях отбирались лошади тех мастей без отметин, что ценились выше прочих – вороные или светло-серые (почти белые), затем серые в яблоках, и, наконец, темно-гнедые [28, с. 196].

В этих условиях церемониальная попона не только скрывала элементы сбруи. Она была универсальным средством, позволяющим нивелировать возможные, пусть незначительные, но нежелательные с точки зрения придворного церемониала различия во внешнем виде лошадей, «если удастся достать лошадь, которая облада-

ла бы всеми названными качествами <...> так как совершенства на земле не бывает» [25, с. 497].

Завершая анализ, можно заключить, что в результате работы: уточнен предметный ряд, составляющий текстильное убранство царской лошади и терминология, характеризующая этот ряд; выявлены и идентифицированы подлинные предметы текстильного убранства, находящиеся в отечественных музейных собраниях; определена роль текстильного убранства в формировании образа властителя в России позднего Средневековья и Нового времени, где оно занимает одно из важнейших мест. Несмотря на относительное конструктивное и декоративное различие предметов разных исторических периодов, все они носят ярко выраженный репрезентативный характер. Драгоценное, как в прямом, так и в переносном смысле, убранство, служило дополнительным штрихом в демонстрации богатства государства и его правителя, способствовало выстраиванию иерархии власти и играло существенную роль в формировании образа могущественного властителя.

Литература

1. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетей, 2010. С. 5 – 37.
2. Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 172 с.
3. Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // Клио. 2016. № 7(115). С. 133 – 141.
4. Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1896. 184 с.
5. [Вебер И., Лунд М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1867. № 4. С. 2 – 56.
6. Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 285 – 319.
7. Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584 – 1585 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 384 с.
8. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613 – 1725 г. Вып. 2. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1883. 660 с.
9. Опись Московской Оружейной палаты: в 7 ч. 10 кн. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884. 194; XXII с.
10. Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1987. 239 с.
11. Денисова М. М. Седло конца XVI века // Оружейная палата. М.: Издание Оружейной палаты, 1925. С. 125 – 132.
12. Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI – XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Искусство, 1954. С. 247 – 304.
13. Чернышев В. А. Конные повозки и экипажи в России X – XIX веков. СПб.: Форт, 2007. 368 с.
14. Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925. 67 с.
15. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению: в 34-х т. Ч. 1: Народная гражданская одежда с 862 по 1700 год. СПб.: Тип. В. С. Балашев, 1899. 118 с.
16. Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М.: Московский Кремль, 2014. 192 с.
17. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584 – 1725 г. Вып. 1. М.: Типо-Литография С. П. Архипова, 1877. 376 с.
18. Писарская Л. В. Оружейная палата Кремля. М.: Московский рабочий, 1975. 240 с.
19. Чернышев В. А. Седельная сбруя XVIII – XIX веков // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань: Славия, 2007. С. 150 – 157.
20. Агеева О. Г. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 249 – 269.
21. Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. 322 с.
22. Гендриков В. Б. Западноевропейские влияния в императорском погребальном ритуале // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI: Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 170 – 176.

23. Матвеев В. Ю. Процессия попоны с личной эмблемой Петра I в собрании Оружейной палаты // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII вв.: материалы и исследования. М.: Гос. музеи Моск. Кремля, 1984. С. 217 – 220.
24. Врангель К. Г. Книга о лошади: в 2 т. Т. 1. СПб.: Издание Ф. В. Щепанского, 1886. 597 с.
25. Гериньер Ф. Р. Конная библия. Школа верховой езды. М.: Аквариум-Принт, 2007. 320 с.
26. Бредихина И. И. Придворные экипажи. Царскосельское собрание. СПб.: Аврора, 2008. 208 с.
27. Плотников С. Л. «Государь на коне»: Российская империя под знаком всадника // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань: Славия, 2007. С. 131 – 141.
28. Шапиро Б. Л. Женщина в седле: история костюма для верховой езды. М.: Ленанд, 2016. 208 с.

TEXTILE HORSE CLOTH AS AN ATTRIBUTES OF ROYAL POWER

Bella L. Shapiro^{1, @}

¹ Russian State University for the Humanities, 6, Miusskay Square, Moscow, Russia, 125993
@ b.shapiro@mail.ru

Received 21.10.2016.
Accepted 28.11.2016.

Keywords: Russian culture, ritual, ceremonial, horsecloth, textile.

Abstract: The article discusses the importance of the textile equipment as one of the components in the system of organization of power in Russia. Items selected for examination are related to the participation of the horse, as one of the most mythologized of animals in Russian culture, in the sacred environment. In this context, we considered textile horse trappings in general, with an accent on the most important items of the tsar's ritual sphere, filled with allegorical symbolism. These are authentic objects of applied art from the collections of Russian museums, which are interpreted by the inventory and historical narrative.

Special attention is given to the equipment belonging to personal horses of Russian monarchs from Ivan the Terrible to Paul I. We investigate in detail all textile components of the ceremonial furnishings of the royal horse. We partially studied heraldic and funeral horsecloth. Summing up the results, textile horsecloth, with all its diversity in different historical periods, serves the formation of the image of a powerful monarch in the first place.

For citation: Shapiro B. L. Tekstil'noe konskoe ubranstvo v sisteme atributov tsarskoi vlasti [Textile Horsecloth as an Attributes of Royal Power]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 74 – 79. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-74-79.

References

1. Boitsov M. A. Chto takoe potestarnaia imagologiya? [What is the potestarian imagology?]. *Vlast' i obraz. Ocherki potestarnoi imagologii* [The power and image. Essays on Potestarian imagology]. Saint-Petersburg: Aleteia, 2010, 5 – 37.
2. Gvan'ini A. *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. Moscow: Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina, 1997, 172.
3. Shapiro B. L. Relikty slavianskogo kul'ta konia v pogrebal'nom obriade gosudarskogo china po moskovskomu obychaiu [Relics of slavic cult of the horse in a funeral ceremony of gosudarskie chin by Moscow tradition]. *Klio = Clio*, no. 7(115) (2016): 133 – 141.
4. Savvaitov P. I. *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiia, ratnykh dospekhov i konskogo pribora* [Description of ancient Russian utensils, clothes, weapons, armor and horse martial instrument]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imp. Akademii Nauk, 1896, 184.
5. Veber I., Lund M. I. Podlinnoe izvestie o russkom i moskovskom puteshestvii i v"езде svetleishego vysokorodnogo kniazia i gosudaria, gospodina gertsoga Iogansena mladshago [The real news of the Russian and Moscow tour and entrance of His Serene Highness highborn prince and sovereign, Mr. Johannsen Duke Jr]. *Chtenia v Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh = Readings in the Society of History and Russian Antiquities*, no. 4 (1867): 2 – 56.
6. Rode A. *Opisanie vtorogo posol'stva v Rossiiu datskogo poslannika Gansa Ol'delanda v 1659 godu* [Description of the second Russian embassy in the Danish envoy Hans Oldeland in 1659]. *Proezhaia po Moskovii* [Driving along of Muscovy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991, 285 – 319.
7. Gruneveg M. *Zapiski o torgovoi poezdke v Moskvu v 1584 – 1585 gg.* [Notes on a shopping trip to Moscow in 1584 – 1585 years]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2013, 384.
8. Viktorov A. E. *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613 – 1725 g.* [Description of notebooks and papers of ancient palaces orders in 1613 – 1725 years]. Moscow: Tip. M. P. Shchepkina, vol. 2 (1883): 660.
9. *Opis' Moskovskoi Oruzheinoi palaty. Ch. 6. Kn. 5: Koniushennai kazna. Lovchii snariad* [Inventory of the Moscow Armory. Part 6. Book 5: Stables Treasury. Hunting equipment]. Moscow: Tip. O-va rasprostraneniia poleznykh knig, 1884, 194; XXII.

10. Nenarokomova I. S. *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremliia* [State Museums of the Moscow Kremlin]. Moscow: Iskusstvo, 1987, 239.
11. Denisova M. M. Sedlo kontsa XVI veka [A saddle late of the XVI century]. *Oruzheinaia palata* [Kremlin Armoury chamber]. Moscow: Izdanie Oruzheinoi palaty, 1925, 125 – 132.
12. Denisova M. M. Koniushennaia kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI – XVII vekov [Stables Treasury. Ceremonial horse harness XVI – XVII centuries]. *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia* [State Armory Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow: Iskusstvo, 1954, 247 – 304.
13. Chernyshev V. A. *Konnye povozki i ekipazhi v Rossii X – XIX vekov* [Horse wagons and carriages in Russia X – XIX centuries]. Saint-Petersburg: Fort, 2007, 368.
14. Klein V. K. *Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII v., i ikh terminologiya* [The foreign tissue that existed in Russia until the XVIII century, and their terminology]. Moscow: Oruzheinaia palata, 1925, 67.
15. Viskovatov A. V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniia rossiiskikh voisk s risunkami, sostavlennoe po vysochaishemu poveleniiu. Ch. 1: Narodnaia grazhdanskaia odezhda, s 862 po 1700 god* [The historical description of clothing and weapons of Russian troops with drawings, drawn up by imperial order. Part 1: People civilian clothes, since 862 to 1700 years]. Saint-Petersburg: Tip. V. S. Balashev, 1899, 118.
16. *Opis' tsarskoi kazny na Kazennom dvore 1640 goda* [Inventory of the royal treasury to Government office in 1640]. Moscow: Moskovskii Kreml', 2014, 192.
17. Viktorov A. E. *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinykh dvortsovykh prikazov 1584 – 1725 g.* [Description of notebooks and papers of ancient palaces orders in 1584 – 1725 years]. Moscow: Tipo-Litografiia S. P. Arkhipova, vol. 1 (1877): 376.
18. Pisarskaia L. V. *Oruzheinaia palata Kremliia* [Kremlin Armoury chamber]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1975, 240.
19. Chernyshev V. A. Sedel'naia sbruiia XVIII – XIX vekov [Saddlery harness XVIII – XIX centuries]. «*Poltsarstva za konia...» Loshad' v mirovoi kul'ture. Proizvedeniia iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [“Half a kingdom for a Horse...” The horse in world culture. The exhibition catalog. Artworks from the collection of the State Hermitage]. Kazan': Slaviia, 2007, 150 – 157.
20. Ageeva O. G. Evropeiskie obratzysy i tseremonialy russkogo imperatorskogo dvora XVIII v. [European models and Russian imperial court ceremonies of the XVIII century]. *Rossia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatiia* [Russia and the world through the eyes of each other: from history of mutual perception]. Moscow: IRI RAN, vol. 3 (2006): 249 – 269.
21. Korb I. G. *Dnevnik puteshestviia v Moskviiu (1698 i 1699 gg.)* [Diary of a journey to Muscovy (1698 and 1699 years)]. Saint-Petersburg: Izd. A. S. Suvorina, 1906, 322.
22. Gendrikov V. B. Zapadnoevropeiskie vliianiia v imperatorskom pogrebal'nom ritual [Western European effect of in the imperial funeral rites]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XXXVI: Rossiiskii imperatorskii dvor i Evropa. Dialogi kul'tur* [Proceedings of the State Hermitage. Vol. XXXVI: Russian Imperial Court and Europe. Dialogue of cultures]. Saint-Petersburg: Izd-vo GE, 2007, 170 – 176.
23. Matveev V. Iu. ProtseSSIONnaia popona s lichnoi emblemoi Petra I v sobranii Oruzheinoi palaty [Processional blanket with a personal emblem of Peter I in the Armoury collection]. *Proizvedeniia russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII vv.: Materialy i issledovaniia* [The works of Russian and foreign art XVI – beginning of the XVIII century: Materials and research]. Moscow: Gos. muzei Mosk. Kremliia, 1984, 217 – 220.
24. Vrangeli K. G. *Kniga o lozhadi* [A book about a horse]. Saint-Petersburg: Izdanie F. V. Shchepanskogo, vol. 1 (1886): 597.
25. Gerin'er F. R. *Konnaia bibliia. Shkola verkhovoi ezdy* [Horse Bible. Horse riding school]. Moscow: Akvarium-Print, 2007, 320.
26. Bredikhina I. I. *Pridvornnye ekipazhi. Tsarskosel'skoe sobranie* [Courtiers carriages. Tsarskoye Selo collection]. Saint-Petersburg: Avrora, 2008, 208.
27. Plotnikov S. L. «Gosudar' na kone»: Rossiiskaia imperiia pod znakom vsadnika [“The emperor on horseback”: Russian Empire under the sign of the rider]. «*Poltsarstva za konia...» Loshad' v mirovoi kul'ture. Proizvedeniia iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [“Half a kingdom for a Horse...” The horse in world culture. The exhibition catalog. Artworks from the collection of the State Hermitage]. Kazan': Slaviia, 2007, 131 – 141.
28. Shapiro B. L. *Zhenshchina v sedle: istoriia kostiuma dlia verkhovoi ezdy* [Woman on horseback: the history of riding dress]. Moscow: Lenand, 2016, 208.